

Точка зрения

Леонид ЗОРИН: И СЧАСТЬЕ, И НЕЛЕГКАЯ НОША...

ЧТО, ЕСЛИ начать без «первой фразы», как бы с середины, с самого главного? С того, что определяет человека и писателя Леонида Зорина? Мне всегда казалось, что все его произведения похожи на него самого. Его лирические пьесы и повести («Палуба», «Варшавская мелодия», «Покровские ворота») подкупают чистотой и благоговением перед жизнью; его исторические драмы (поставлю в центр «Декабристов») дают представление о глубине и серьезности идей и убеждений; его сатиры, хлесткие, резкие, смешные, привлекают интеллектуальным напором.

Нравственная идея коренится в личности художника. Добрый взгляд, доброе отношение к людям, веселый нрав... Но это не возникает вдруг, идеалы нельзя внести, как новую мебель, в жизнь человека, в его дом, в его мир. Поэтому вернемся к началу, к детству, к первой литературной встрече, к напутствию...

Десятилетний мальчик, переводивший с немецкого Шиллера и Гейне, автор маленькой книжки стихов, был представлен Алексею Максимовичу Горькому. Описывая эту встречу, Горький приводит рассуждение ребенка: «Все знать и хорошо работать — такое счастье!»

Это начало. Кстати, никогда не приходилось слышать или читать рассказы самого Зорина об этой встрече...

— Это правда, я ничего не писал о том памятном дне. Разумеется, эта встреча была совершенно исключительным счастьем. Много детей писало стихи, мои были не лучше прочих. Но ведь было не только состояние счастья, очень скоро возникло еще сознание, что это счастье должно быть оплачено. Если это сознание тебе сопутствует, оно во многом

определяет жизнь, хотя и оказывается нелегкой ношей.

О чем я сегодня хотел бы вспомнить? Во-первых, об уважительном тоне, который принял великий писатель по отношению к десятилетнему мальчику. Во-вторых, навсегда запало в душу его напутствие: возможно меньше проводить времени в «узко цеховой» среде.

«Проводить время» — значит проводить зря... Но художественная среда, творческий контакт, единомыслие, сотрудничество в искусстве — этим судьба одарила Зорина. Андрей Попов, Михаил Ульянов, Евгений Леонов, Олег Табаков, Евгений Урбанский, Юлия Борисова, Алиса Фрейндлих, Ада Роговцева работали в его пьесах; Завадский, Товстоногов, Симонов, Ефремов, Львов-Анохин, Алов и Наумов, Рязанов ставили его пьесы и сценарии. И есть среди них человек, который занимает совершенно особенное место в жизни Леонида Зорина, дружба с которым научила его прямо держать спину при любых обстоятельствах. Этот человек — замечательный советский режиссер Андрей Михайлович Лобанов.

— Когда я думаю о Лобанове, о его судьбе, на языке у меня вертится одно слово: опережение. Лобанов как бы опережал театральный процесс и больше платил за это, чем получал... Он ощущал банальность раньше, чем видели ее другие. Но — и тут заключалось еще одно свойство этого дарования — он не рубил то, что казалось ему высохшим, он пытался отделить еще пригодные для жизни клетки и вернуть им способность к плодотворности. Лобанов не признавал неравных отношений и тщательно разрушал перегородки: учеников рассматривал

как соратников, критиков — как собеседников. Этика входила в его талант составной частью и в чем-то формировала этот талант.

Многие с этим согласятся: этическое и эстетическое неразрывно. Зорина, написавшего 33 пьесы, 15 сценариев и два тома прозы, в канун его шестидесятилетия мне хотелось бы спросить: каков был творческий импульс, что призывало писать для театра, для кино, а позже для читателя?

— Мало кто не начинал со стихов. С одной стороны, они, что называется, самый непосредственный отклик на сильное движение души, с другой стороны, рифма и ритм не будничны по своей природе, они выводят тебя из привычного круга, на этих крыльях легче взлететь. Стихи — незаменимая школа, ее полезно пройти литератору. Культуру слова, вкус к отбору — все это прививают стихи.

Пьесы я начал писать рано — мне не было и семнадцати лет. Сказались, должно быть, и темперамент, и потребность немедленного отклика (в нем — главное преимущество драматурга), и, видимо, некоторая способность слышать жизнь и записывать ее в репликах. Киномаатографом я занимался параллельно с драматургией — увлечение им было, естественно, связано с поисками достоверности. У театрального писателя неизбежна пора, когда условности сцены начинают его тревожить — этим нужно переболеть. Кино — тоже университет, оно учит вниманию к подробностям, умению расщепить минуту, понять, как много она вмещает. И прежде всего разглядеть поэзию, скрытую в повседневности. Кино вообще учит видеть (так, часто мы смотрим, а не видим),

Однако вот уже несколько лет, как проза вытеснила все жанры. Думаю, что и это естественно. С годами накапливается многое, что необходимо высказать, не передоверяя героям.

Маленькая повесть «Алексей» в сборнике «Старая рукопись» обозначена автором как современные диалоги. И действительно, это проза, написанная драматургом: из диалогов встают характеры, очевидные, разные. И самый поучительный из них — Алексей, прирожденный лидер во студенчестве, а ныне исчерпавший страсть к покорению вершин, этакий созерцатель.

— Неожиданное открытие, что время идет слишком стремительно и ты не успеваешь ни обдумать жизнь, ни подчинить ее своей воле, делают многие представители «поколения сорокалетних», вдруг обнаружившие, что молодость кончилась и они живут уже не «на черном», а «на белом». Вообще-то желание сосредоточиться и понятию, и плодотворно. Важно, чтобы последовали решения и действия.

Когда «Современник» задумал свою знаменитую трилогию — «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики», он призвал Леонида Зорина начать, сделать первую пьесу — о декабристах, поставить этот разговор о высоком подвиге бескорыстия, о способности жить идеями, об ответственности лучших людей России за счастье Отечества.

Исторические драмы Зорина — «Медная бабушка» и «Царская охота», сюда же стоит отнести и замечательную «Римскую комедию» — сочтатели серьезный историзм с обостренным нравственным чувством современника, это исторические

стилизации, это пьесы сегодняшние, поставившие проблему выбора перед героями и перед нами.

— Одна из самых больших радостей в истекшем сезоне — две постановки «Римской комедии» в Тбилиси — в Театре имени Руставели и Молодежном Метехском театре. Обе были осуществлены таким мастером, как Г. Лордкипанидзе, а перевел эту пьесу Михаил Квливидзе — прекрасный поэт, со стихами которого нас знакомили среди других переводчиков Ахматова и Заболоцкий. Эта новая встреча с Грузией подтолкнула меня на исполнение давнего моего замысла написать о великом грузинском поэте Николозе Бараташвили. В этом году я осуществил его.

В характере зоринского юмора склонность к гротеску, но он умеет так смешать фарс с конкретностью, узнаваемостью деталей, обстоятельностью, что забываешь о жанре, игре, выдумке. Все перекрывает, соединяет четкая, честная, современная мысль. «Добряки», пьеса-долгожительница, 18 сезонов — на сцене Центрального театра Советской Армии, театральный памфлет «Энциклопедисты», «Коронация», «Театральная фантазия»... Комедии Зорина шли на экранах, шли в театрах страны, заставляя зрителя хохотать и ужасаться гримасам мещанства. Автор имел смелость всякую мысль додумать до конца и убедить нас, что «смеяться полезно». И если спустя двадцать лет молодой режиссер снимает по пьесе «Добряки» фильм, то это значит, что история возвышения и краха Кабачкова, который без среднего образования «успешно» руководил коллективом ученых, и сегодня помогает понять непонятливым «добрякам», что, когда мы миримся с невежеством, нас ожидает тирания невежества. Люди досадно слепы — отчетлива авторская боль.

— Юмор необходим не только писателю, он нужен каждому человеку. Ум без юмора — не настоящий ум. Юмор спасает нас от напыщенности, остерегает от само-

довольства. Но он не только способность к шутке. Он прежде всего восприятие жизни. Юмор — оружие стойких людей. Это всегда жизненное, но он и способность к пониманию, способность к сочувствию.

Как-то Зорин сказал: «Синонимов нет, надо искать единственное слово». Вообще профессионализм и требовательность его отмечали режиссеры, актеры, редакторы — все, кого сводила с ним общая творческая работа. Мне даже кажется, что Зорин был бы хорошим педагогом, он умеет вдохновлять, вселять в людей уверенность. Но почему-то именно он никогда нигде не преподавал. Впрочем, для многих драматургов он все-таки стал «своим мастером». Многие годы Зорин ведет семинары драматургов в Союзе писателей. Семинар, конечно, мероприятие кратковременное, но творческие контакты, возникающие здесь, длятся годы.

— Сказать, что ты кого-то учил, было бы крайне претенциозно. Алексей Максимович не зря говорил: можно только осторожно советовать. Есть литераторы — кто моложе, кто постарше, — которые достаточно регулярно показывают мне свои работы...

Искусство — тонкий посредник между людьми, нациями, странами. Оно соединяет сердца. Когда фильм «Мир входящему» (Зорина, Алова, Наумова) получил приз XXII венецианского фестиваля, война была уже прошлым, историей, но сердца людей еще не вполне оттаяли. И фильм показал, как человечность советского солдата рождала надежду и веру в добрый мир.

Пьесы Леонида Зорина многие годы идут в Варшаве и Будапеште, в Софии, во Франции, в Югославии, ФРГ, Швейцарии и в Америке... Эту миссию мира на мировом экране и на театральных подмостках не переоценить.

— Пушкин говорил о семье народов. Понять, наконец, что народы должны жить в мире, — не только долг человечества,

ва, но и единственная его надежда.

В моем новом романе «Странник» речь идет о традициях народного искусства, всегда живых и неуязвимых, когда они не сводятся к этнографии, а утверждают его высший смысл — раскрыть духовное богатство народа. Чем оно больше, тем оно выше, тем больше дает оно всему миру, тем выше может поднять человечество в его поступательном движении. Постигая это, люди отходят от опасных рубежей конфронтации и осознают свою ответственность за судьбу собственного народа и за судьбы всех остальных народов, понимая, что будущее их неделимо. Мысль эта в полный голос прозвучала и на недавнем писательском юбилейном форуме.

Подсчитано: за последние пять с половиной тысяч лет было 15 тысяч войн, половина из них в Европе. Агрессию пытались обосновать научно, а услужливые перья иных служителей муз писали об очищающей силе страданий и испытаний, которые приносит любая война. Но это ложь. И долг писателя с нею сражаться. Для этого необходимо мужество верить в то, что твои усилия имеют смысл. Равно как и мужество постигать истину. Ибо писатель не тот, кто все знает, не тот, для кого не существует загадок, а тот, кто не боится знания, каким бы трудным оно ни было.

...Мы беседовали в рабочем кабинете Зорина. Его библиотека скорее напоминает собрание ученого. А в углу, у дверей, — афиши, одна на другой, как листья дерева. Мне всегда нравился этот дом, в котором царит культ работы. Не знаю, как именно это происходит, но атмосфера, дух дома, в котором человек живет, питает его произведения или отравляет их. Нравственная полноценность, цельность личности обеспечена возможностью быть самим собой и за письменным столом, и в жизни. И такая возможность есть у всех у нас.

Н. ИСМАИЛОВА.